Пути Изумрудного мага.

История Тайной комнаты, поведанная нам профессором Макгонагалл, ничем не отличалась от канонической: «не хотел учить магглорожденных, рассорился с остальными Основателями, и ушел, сопроводив бегство угрозой, что оставил в Хогвартсе некий Ужас, который поможет его наследнику очистить школу от недостойных».

Ученики историей прониклись… все, за исключением Драко. Его изумление нарастало все сильнее и сильнее по мере рассказа. И вот, он наконец-то не выдержал.

— Госпожа профессор, но ведь все… все не так было!

— Вот как? И что же помешало Вам самому осведомить товарищей о Тайной комнате?

— О Тайной комнате я знаю ровно столько, сколько Вы рассказали только что. Но вот об уходе Изумрудного мага и его мотивах…

— Хм… может тогда Вы, мистер Малфой, поведаете нам об этих событиях, не забыв, разумеется, упомянуть источник этой информации?

Любопытство, охватившее Минерву, дало мне некий ключ, к пониманию ее прошлых поступков. «Просто посмотреть, что получится»… Мотивация, вполне достойная адепта моего сюзерена.

— Разумеется, госпожа профессор. Этим летом я из чистого любопытства копался в архивах Малфой-мэнора. И там нашел дневник Харви, именуемого соплеменниками «Черный ум», чей сын во времена Вильгельма принял имя Малфой… Язык тех времен сильно отличался от современного, так что перевод отнял много времени и сил… но с помощью отца я справился, и обнаружил в дневниках много интересного, такого, что никак не согласуется с принятыми сейчас трактовками истории.

— Любопытно… очень любопытно. И как же этот Харви описывал уход Салазара Слизерина из Хогвартса?

— Однажды, на праздновании в честь Груза Виселицы (а Харви был настоящим язычником, хотя и пришел в Британию с Кнутом Великим), Салазар Слизерин объявил, что для поступающих в Хогвартс неплохо бы учредить некие вступительные испытания. Годрик Гриффиндор, не дослушав выступления побратима, заявил, что «это закроет дорогу в Хогвартс для все, кроме потомственных волшебников». К тому времени празднование длилось уже около трех дней, и оба были, по совершенно недипломатичному выражению Харви «ужратые до изумления».

— Мистер Малфой! — Вскинулась в показном изумлении декан Гриффиндора.

— Это не я, это Харви так писал. А он вообще был человек… откровенный. И если уж видел, что собеседники с трудом стоят на ногах под грузом «принятого на борт» — то так об этом и писал. Три дня же праздновали (как минимум, потому как Харви, сам в праздновании принимал участие и некоторые моменты «стерлись у него из памяти»). Тут и медовухой можно… того… «до изумления».

— И Вы предлагаете доверять рассказу человек, возможно, не отличавшего реальности от собственных…, ладно, скажу прямо — пьяных видений?

— Нет, он пишет, что «как раз проспался, хотя был и со страшного бодуна».

— Вот как… ну что же… и что дальше было?

— Поскольку оба собеседника были… неадекватны, словесные аргументы у них закончились не начавшись, хотя Харви лично помогал Салазару готовить речь на эту тему. Но, видимо, трехдневное празднование выбило эту речь из головы Салазара. А Годрик и вовсе не стал размышлять на тему «а с чего бы это Салазар такое понес?» В общем, основатели сошлись в поединке. Но, по уже упомянутой причине, серьезного вреда друг другу нанести они не смогли, и самая трезвая во всей компании Ровена Рейвенкло уложила обоих «отдохнуть и проспаться» свежеизобретенным Ступефаем.

По рядам пролетел отчетливый смешок. Кажется, ученикам понравилась такая интерпретация давней истории.

— А дальше что было? — Прекратила неорганизованный смех Минерва Макгонагалл.

— Дальше… С Вашего позволения, я опущу некоторые моменты взаимоотношений Салазара Слизерина и Ровены Рейвенкло, которые они не стеснялись демонстрировать окружающим, а Харви — еще меньше стеснялся в глубоком восхищении описывать и комментировать. А то, боюсь, что получившийся у меня в результате цвет лица будет плохо гармонировать с теперешней прической. — А ушки-то у брильянтового принца отчетливо порозовели.

— Конечно, мистер Малфой. В конце концов, мы на уроке. Но, хотелось бы знать, что было дальше, после… «моментов взаимоотношений».

— Наутро Салазар, проспавшись, и вспомнив, что творил накануне, решил, что именно он нарушил клятву побратимства, и удалился в добровольное изгнание прежде, чем проснувшаяся Ровена успела его остановить. Годрик, прохрапевший дольше, так же попытался «удалиться», но был остановлен совместными усилиями подруг. Самого процесса «притормаживания» Харви не видел, но пишет, что по его завершении Годрик щеголял роскошным синяком с характерным узором (воинственная Хельги носила кольчужные перчатки практически не снимая).

— Это все, конечно, интересно, мистер Малфой. И я хотела бы иметь возможность прочитать оригинал дневника Вашего предка, но все-таки мне непонятно, что именно не соответствующего Вы нашли в моем рассказе? Ведь даже если признать его истинным, видно, что Салазар Слизерин не хотел принимать в школу маглорожденных.

— Нет, простие пожалуйста, госпожа Макгонагалл, но Вы, так же как и первый глава Вашего Дома не правы. Изумрудный маг всего лишь хотел, чтобы Обретенных вводили в мир волшебства не при поступлении в школу, а при выявлении магических способностей. В конце концов, в те времена волшебники еще только начали отделать себя от магглов, ни о каком Статусе Секретности речи еще не шло, и того же Кнута Великого утверждал на троне Англии Визенгамот. Но все-таки расхождения уже были, в частности — обусловленные распространившимся христианством. Так что Изумрудный маг предлагал чистокровным семьям брать выявленных Обретенных под свое покровительство, разъяснять им суть и смысл некоторых магических ритуалов, даже тех, которые и ныне распространены среди магглов, показывать правильные движения палочками, и давать множество других знаний и умений, которые помогали бы Обретенным вхождение в мир волшебников.

— Хммм… Интересно, почему тогда…

— Многие Древнейшие и Благороднейшие дома пресеклись с того времени, их мемуары и дневники — утеряны, а знания — забыты. Для остальных — дневники такого рода оказались… политически неудобны. К примеру, мемуары Генри Малфоя, придворного короля Эдуарда Четвертого, однозначно и неопровержимо свидетельствуют, что господа Томас Мор и Уильям Шекспирн оболгали Ричарда Глостера. Но для его сына, Джорджа Малфоя, подвизавшегося последовательно при дворе трех королей из династии Тюдоров подобного рода документ был… неудобен, так что мне очень повезло, что он был не уничтожен, а всего лишь брошен в архив, где я и смог с ним ознакомиться.

— Могу ли я, мистер Малфой… — Глаза Минервы Макгонагалл явственно горели огнем Меняющего пути. Что ж. «Любопытство сгубило кошку»… Вот только мало кто знает продолжение этой пословицы: «… но узнав, что хотела, она немедленно воскресла».

— Разумеется, профессор Макгонагалл. Вот. — И Драко извлек из своей сумки изрядной толщины рукописный том. — К сожалению, у меня с собой есть только копия перевода дневника на современный язык, поскольку выносить столь… древние документы из архива — запрещено, но, надеюсь, Вы не откажетесь посетить Малфой-мэнор будущим летом.

http://tl.rulate.ru/book/69516/1849756